

Т. К. САЛБИЕВ

(ЦСАИ ВНЦ РАН, Владикавказ)

ФРАНСУА КОРНИЙО – НЕИСПРАВИМЫЙ РОМАНТИК И ИДЕАЛИСТ

Кроме ровного тихого голоса, который на моей памяти он так никогда и не повысил, в самом облике Франсуа Корнийо не было ничего от серьезного ученого, глубокого исследователя и эрудита, каковым он, безусловно, являлся. Напротив, первое, что привлекало к себе внимание при знакомстве с ним, была какая-то скрытая физическая сила, осанка, остающаяся иногда у человека на всю жизнь после долгих лет сельского труда, которым человек занимался в юности, или после службы в армии. В нем была также хотя и неявная, но столь же несомненная любовь к жизни и умение ценить те простые радости, которые она дарит каждому из нас. Когда, с большим запозданием, я узнал о его уходе, то сразу пришло ощущение какой-то незавершенности, недосказанности, недо воплощенности, сменившееся чувством зияющей пустоты: вместе с ним ушла эпоха. На мой взгляд, он был «последним из могикан», из тех гуманитариев, которые не стали сообразно требованиям времени сухими прагматиками, а смогли сохранить идущий из традиции Возрождения гуманизм и широту взгляда на мир.

Мне он представляется, прежде всего, романтиком и идеалистом, потом, а уже потом вслед за этим шли все его житейские достижения: заведование кафедрой, издаваемый им научный журнал, лекции и семинары. Только поэту было по силам перевести Тютчева на французский язык и получить за этот текст весьма престижную премию Французской академии, как бесспорное признание его художественной равнозначности оригиналу. Только романтик мог бескорыстно и щедро одаривать своей помощью всех, кто встречался ему на жизненном пути, далеко не всегда отвечающих ему за это благодарностью. Только безнадежный идеалист мог пытаться свести вместе, то сходящиеся, то расходящиеся врозь, тектонические плиты: русскую и французскую, славянскую и иранскую. Мне выпала удача быть рядом с ним некоторое время и испытать на себе всю силу обаяния его личности. Мне выпала счастливая возможность приобщиться к его душевному

богатству, очевидному для всякого, кого сводила с ним судьба. Уверен, что не только в Осетии он оставил о себе благодарную память.

Только благодаря его усилиям я увидел Париж и Францию, потому что он обладал достаточным авторитетом и влиянием, чтобы Институт восточных языков и цивилизаций (INALCO), один из ведущих гуманитарных вузов Французской республики, основанный в свое время Наполеоном, предоставлял стажировки тем, кого он считал того заслуживающими. И я увидел их во многом его глазами. Тогда, в мае 1997 года, он показал мне, в том числе, и французскую глубинку, провинцию, где жив дух средневековья. Он отмечал свой юбилей, и мы отправились в Бургундию, где в стенах брошенного замка эпохи Палеологов, переоборудованных под жилье, его ждала семья его сестры. Замок находился на невысоком холме, одиноко возвышающемся посреди цветущих дивным золотым цветом гречишных полей. У основания холма били ключи, давая начало местной реке, а по склону тек ручей, укрытый в одном месте павильоном, куда крестьянки из соседней деревни в стародавние времена носили стирать белье, укрытые от ветра и непогоды. На хлеб домашней выпечки мазали мягкий сыр и запивали его красным вином. Было ощущение покоя и приобщения к вечности. На ум приходили мушкетеры Дюма, закусывавшие холодной телятиной и стаканом старого доброго бургундского. Кроме родни, были также и его друзья, время пролетело весело и незаметно. Всех нас согревало нежное весеннее солнце. Со всей очевидностью стало ясно, что за внешней сдержанностью и врожденной учтивостью Франсуа скрывается человек с добрым сердцем и светлой душой.

Признаюсь, что я так до конца и не смог осознать, что он француз. Дело не только в том, что он говорил по-русски без какого-либо акцента. Он был настолько русским по духу, что когда он говорил по-французски, мне казалось, что это всего лишь вынужденная дань обстоятельствам. Так происходило, например, на его занятиях по русской литературе, которые мне довелось посещать. Французское влияние на русскую культуру, конечно, несомненно и значительно. Лучшее тому свидетельство, первые страницы «Войны и мира» Толстого, когда читатель оказывается в салоне Анны Павловны Шерер, где собираются сливки высшего света Петербурга. Вряд ли можно не заметить, что диалоги между гостями салона ведутся исключительно по-французски, а русский перевод дается самим автором снизу страницы в примечаниях. Когда уже в университетские годы я начал учить французский, то мне вдруг стало казаться, что французский строй предложения во многом повторяет русский. Так мне открылось хорошо известное влияние французского синтаксиса на становление русской прозы начала позапрошлого века. Да, Пушкин создал современный русский язык, но это

был язык поэзии. Вспомним его «Капитанскую дочку», написанную простыми короткими предложениями, или же сложными с сочинительными связями (паратаксис). Между тем язык современной русской прозы, с ее сложными причастными и деепричастными конструкциями, с большим разнообразием сложноподчиненных предложений (гипотаксис) во многом сформировал историк Карамзин, используя «французские лекала».

Мои посещения его занятий совпали по времени с изучением творчества Анны Ахматовой, мне запомнился разбор ее «Реквиема», который сопровождала запись ее собственного чтения этого выдающегося произведения, воплотившего в себе не только дух времени, но и ее личный опыт. Низкий грудной голос Ахматовой, декламирующей нараспев собственные стихи, заполняет собой все пространство одной из аудиторий.

*Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башинями выть.*

История страны и народа, женская доля и непреложность рока, выраженные в двух четверостишьях. Так встречались два мира, высокая европейская трагедия и сколь неспешный, столь и беспощадный ход русской истории, стрелецкий бунт и европейские реформы Петра Великого. Как заметил в свое время Бердяев, «история безразлична к судьбе личности». Но человеку дана сила духа, чтобы не дать себя сломать ударам судьбы. Этому учит Ахматова.

А еще он хотел свести вместе славянский мир и мир скифов Северного Причерноморья. Поэтому наша первая встреча произошла в Осетии, куда он приехал в начале 90-х годов прошлого века. Именно ему мы обязаны появлением журнала «Nartamongæ». Когда я впервые увидел его, у него в руках были «Осетинский букварь» и учебники осетинского языка для начальных классов. Как рассказывала позднее одна из его близких друзей, Франсуаза Бадер, оказалось, что в свое время Жорж Дюмезиль призывал всех своих учеников изучать осетинский язык.

Оказалось, что, к потомкам скифов Корнийю привело изучение древних истоков славян. Было, конечно, хорошо известно о имевших место языковых контактах. Так, например, из иранского мира принято выводить славянское слово Бог. Оттуда же идет имя одного из языческих богов – Хорса,

значение которого легко выводимо из современного осетинского хорз(æх) ‘благо, добро’. Также можно указать на название ритуально значимой выпечки ватрушки, в которой распознается осетинский корень art ‘огонь’. Однако его идея заключалась в том, чтобы пересмотреть сам характер этого взаимодействия, его глубину и последствия. Он полагал, что это взаимодействие было не эпизодическим и поверхностным, но, напротив, продолжительным и глубоким. Фактически он реконструировал иранский религиозно-культурный субстрат, лежащий в основе славянской античности, как некую сложную и разветвленную систему, проникающую в самые различные области культуры. Об этом весьма красноречиво свидетельствует само название его труда «L’aube scythique du monde slave / Скифская заря над славянским миром». Судить же об этом более подробно и предметно позволит публикуемая в настоящем номере основанного им когда-то журнала работа.

В завершении же скажу, что когда я думаю о его уходе, то мне слышится весенний гром из знаменитого стихотворения Тютчева, раскаты которого заполняют собой майские парижские улочки и тихо угасают в зелени листвы величественных платанов.

*Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

*Tu dirais là que c'est Hébé l'espiègle
Qui, tout là-haut, de Zeus nourrissant l'aigle,
A renversé en riant sur la terre
Sa coupe bouillonnante de tonnerre.*

Когда я школьником заучивал это стихотворение Тютчева наизусть, последнее четверостишие давалось мне значительно труднее остальных. Оно, действительно, сложно по содержанию, но оно хорошо иллюстрирует разнообразие научных и творческих интересов Франсуа Корнийо. Здесь и античность, и русская поэзия, и древнегреческая мифология, все сведено вместе: образ громовержца, воплощенный в птице, и раскаты грома, уподобленные беззаботному женскому смеху. А в Зевсе мы не можем не узнать его скифского коллеги – Папая, с которым его отождествлял Геродот. Геба же, бывшая в роли виночерпия на Олимпе, – дочь Зевса и той самой Геры, которая по-скифски звалась Апи. Наконец, пролитый ею «громокипящий кубок» находит убедительную параллель в осетинской обрядовой чаше, известной в эпической традиции как *Nartamongæ* и давшей название журна-

лу, одним из основателей и постоянных авторов которого он выступал. Более того, думаю, что это четверостишие могло бы стать ему эпитафией, достойным звуковым сопровождением тому расставанию с земным уделом, который уготован каждому из нас – майская гроза, наполняющая своим свежим животворящим дыханием все мироздание и смывающая своей живительной влагой омертвевшую коросту прошлого.